

Ты мне закрываешь руками
Глаза — ничего больше нетъ.
Сквозь пальцы съ твоими духами
Сливается розовый светъ.

Съ какой материнской заботой
Ты прячешь весь **міръ** отъ меня,
Боишься силками, охотой
Нарушить **сіяніе** дня.

Позволь **мнѣ** взглянуть на страданье:
Вѣдь где я увижу **потомъ**
Жестокихъ охотъ ликованье?
Неть бедствій въ краю гробовомъ.

Ант. **Ладинскій.**

КРАСАВИЦА.

(Отрывокъ **изъ поэмы**).

Господи! Физическая боль!...
(Вотъ когда на все глаза открыты)
Неподдельная, какъ хлебъ и соль,
Страшная, какъ за стеной убитый!..
Можно ли подъ пыткой не предать?
Не судилъ бы слабаго за это:
Онъ и радъ бы слова не сказать —
Ни мольбы, ни слезъ, ни стона — veto!
Выдержалъ — и онъ, конечно, святъ,
Сдался — онъ почти не **виновать**.

Боль! Па **черпомъ** и бпгровомъ фоне
Кто-то лучъ на землю наведеть
И гвоздемъ пробитыя ладони
Вытрутъ лобъ и передвинуть ледъ.
И опять ногтями въ одеяло
Вцепишься, опять на целый **міръ**

Ты одинъ. Еще **больнѣе** стало,
Снова марля, вата и **эфирь...**
Какъ же все это соединимо
Съ образомъ единственно любимой.

Да, соединимо — не у **всѣхъ:**
Прихорашиваться тутъ не сможешь
И **обворожительнѣйшій смѣхъ**
На другія ноты переложить.
Здѣсь нечеловѣческій законъ
Нуженъ и для грубаго солдата;
У тебя холодный потъ **бѣжалъ**
По лицу, рука была разжата:
Вынесу и такъ, — и образъ твой
Былъ еще прекраснее — такой.

Боль! Свирепая, какъ зверь безъ корма..
Ты не поблѣднела передъ ней,
И не въ обмороке хлороформа
Было **облегченіе** — въ твоей,
Больше чѣмъ невероятной воле,
Жизнь твою ведущей какъ мотивъ...
За окномъ благоухаетъ поле
И ныряетъ ласточка, **сложивъ**
Крылья **тонкія**. Въ высококомъ кресле —
Выздоровливающая. Есть ли

Что-нибудь прозрачней и **нѣжнѣй**
Этой кожи, что-нибудь слабее
Этого дыханья. Сколько въ ней
Детскаго, на очень длинной шее
Какъ лежитъ устало голова!..
Тянетъ съ поля тепловатымъ паромъ,
Васильки, пшеница и трава
И надъ ними пчелы и кошмаромъ,
Тающимъ, какъ облако вдали,
Ножъ и кровь на томъ краю земли.

Боль физическая и страданье
Сплетены какъ тело и душа.
Обреченная на испытанье,
Слишкомъ ты для счастья хороша.
Какъ всегда красавицы и слабы
И расчетливы! Одна изъ нихъ,
Сколько разъ продаться ты могла бы
Съ блескомъ и почетомъ! Твой женихъ...
Но прекрасная и молодая
Ты любила только сострада.

Что тебя сжигало изнутри
Нищему отдать себя **всецѣло**,
Такъ что люди говорятъ: смотри,
Для кого себя не **пожалѣла**.
Все принять — лишешя и боль,
Чтобы только защитить кого-то,
Для себя чудовищную роль
Выбрать противъ всякаго расчета...
Въ **креслѣ** ты сидишь, а я стою
Рядомъ и читаю жизнь свою.

Какъ не плакать, вспомнивъ эту фразу...
О, за все, за все расплата есть!
Отчего мы узнаемъ не сразу,
Что такое воля, долгъ и честь.
Это ни уступки, **ни поддѣлки**
Не **выносить**, это не советъ
Дельный и расчетливый и **мелкій**,
Это для себя авторитетъ
Чистоты и веры и свободы,
Это **совершенство** отъ природы,

Это — **ты**. Но **жребій** всехъ сердець,
Даже не **великихъ** — величайшихъ, —
Видеть, кто предатель или лжець,
Видеть все до черточекъ мельчайшихъ.

Знать, что даже Петръ и тотъ **предасть**,
Что повсюду и во всемъ **измѣна**,
И учить и **строить**... Все **отдасть**
Тотъ, чья роль навеки современна,
Чтобъ не надо было до сихъ поръ
Помнить троекратный свой позоръ...

Николай Оцупъ.

Каждый день былъ похожъ на **ушедшій**.
Сколько ихъ миновало съ **тѣхъ** поръ,
Какъ ходилъ городской **сумасшедшій**
Въ нашъ **бульжникомъ** устланный дворъ...

И безвозрастный, желтый и **древній**,
Весь въ восьмеркахъ неверныхъ шаговъ,
Онъ рассказывалъ намъ о царевне
И о проискахъ давнихъ враговъ,

О **тревогѣ**, о черномъ несчастьи,
О судьбе, что всегда нелегка,
И въ ответе на смешки и участие
Нашимъ окнамъ, распахнутымъ настѣжъ,
Темной палкой грозила **рука**.

Софія Прегель.

СЫНУ

Не быть тебе нулемъ,
Изъ молодыхъ — да вреднымъ!
Ни **мѣднымъ** королемъ,
Ни **по-просту** — спортсмеднымъ